

Э. Б. ПЕТРОВА

КРЫМСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ: Н. Н. МУРЗАКЕВИЧ¹

Среди тех, кто путешествовал по Крыму и оставил записи о своих впечатлениях, Николай Никифорович Мурзакевич – известный одесский историк и археолог, сыгравший важную роль в изучении памятников крымской старины и организации крымских музеев. О его жизненном пути, творческих поисках и достижениях нам известно благодаря его автобиографическим запискам (доведенным до 1852 г.) и его многочисленным научным и научно-популярным сочинениям, архивным документам, статьям, специально освещающим его творческий путь, и рецензиям на его публикации, а также научным трудам по истории и археологии юга России и Украины, авторы которых обращаются к его исследованиям и дают оценку его организаторской и научной деятельности [см. наиболее важные из них, в том числе списки научных трудов Н.Н. Мурзакевича: 1; 2; 3, с. 3-15; 4, с. 3-15; 5, № 535-580, 1581, 1582, 7449; 6, прил. 2, с. 79-113; 7, прил., с. 55; 8, с. 80-88; 9, с. 36-47, 329-333; 10, № 1978, 5436-5514, 10142, 10143; 11, с. 74-92; 12, с. 105-143, 173-188, 219-220, 251, 256-280, 281-310, 346-347, 349, 370, 388, 389, 409-415, 447-448, 525-529, 634-635, 637-638, 661].

Николай Мурзакевич родился в Смоленске 21 апреля (по ст. ст.) 1806 г. Его отец, Никифор Адрианович в те годы был дьяконом Успенского собора,

¹ Сочинения путешественников по Крыму всегда входили в круг научных интересов моего коллеги и друга Александра Германовича Герцена; он не только привлекает эти тексты в качестве исторического источника в своих работах, но также публикует их. Вот почему моя статья посвящена Николаю Никифоровичу Мурзакевичу – одному из неординарных путешественников, оставивших записи со своими впечатлениями о Крыме и его обитателях, тем более, что совсем недавно – в 2006 г. – мы отмечали два его юбилея – 200 лет со дня рождения и 170 лет со времени его первого крымского путешествия. Данная статья предваряет готовящуюся к изданию публикацию сочинения Н.Н. Мурзакевича «Поездка в Крым в 1836 году».

позже – священником Одигитриевской церкви и в 1812 г., как рассказывает В.Д. Дабижа (биограф Н.Н. Мурзакевича), «в числе немногих оставался в Смоленске, когда его заняли французы... известен как защитник своей церкви и ее имущества от разграбления неприятелем и как энергичный заступник за своих соотечественников перед французскими властями; он известен также как вполне честный человек, никогда не сходящий с прямого пути». И далее: «Те же энергия, устойчивость и неподатливость перешли в наследство и к его сыну... который, несмотря на гнетущую бедность среды, отсутствие присмотра и неблагоприятные влияния семинарского обучения не потерялся и сохранил в себе хорошие стремления... Николая Никифоровича никогда не покидали любовь к природе и влечение к чему-то лучшему, не похожему на то, что представляла ему подчас очень непривлекательная действительность. В Смоленске зародилась в нем во время прогулок по городским стенам страсть к истории и к древностям...» [3, с. 3-4].

Обучался Николай в Смоленской духовной семинарии, изучал классические языки, «дни и ночи проводил в чтении» (в особенности книг по отечественной истории) и начал собирать свою первую нумизматическую коллекцию [1, с. 34-35]. В 1825 г. поступил на этико-политическое отделение философского факультета Московского университета. Терпеть приходилось тогда «и голод, и холод... в продолжение целых недель питался одним чаем и жил в таком помещении, в котором замерзала вода в стакане. На лекции он ходил даже в зимнюю стужу в летней одежде в надежде обогреть себя в теплой аудитории» [3, с. 4]. По окончании университета в 1828 г. работает домашним учителем в Москве. Но в 1830 г. по предложению университетского друга М.М. Кирьякова переезжает в Одессу, которая в те времена, по уверению В.Д. Дабижи, «соединяла в себе все, что было у нас образованного, изящного и богатого и что по каким-либо причинам не могло или не хотело примириться с жизнью в столице...», здесь молодой человек «впервые испытал обаяние юга, ощущал его жизненные силы и любовался яркостью его красок» [3, с. 5]. Он входит в высшее общество, производит благоприятное впечатление на новороссийского генерал-губернатора Михаила Семеновича Воронцова (который «сразу угадал в молодом человеке честность убеждений и порядочность привычек» [3, с. 5]). Служит в Ришельевском лицее, сначала помощником учителя, воспитателем, затем преподавателем всеобщей истории и географии, заслуживает «общее доверие и расположение» [1, с. 83-84]. В 1838 г. в Московском университете защищает магистерскую диссертацию, посвященную истории генуэзских колоний в Крыму [13]², и в 1839 г.

² Эта книга стала первой в отечественной науке обобщающей работой по истории генуэзских колоний. Конечно, автора можно упрекнуть в том, что он некритически относится к своим источникам, слепо им доверяет, в результате многие его построения и выводы не выдержали проверки

становится профессором лицея по кафедре российской истории и статистики, а в 1853 г. – его директором. За успешную работу в новой должности Николаю Никифоровичу уже в следующем, 1854 году, объявляется «искренняя признательность министра народного просвещения за полезные труды по приведению Ришельевского лицея в такое состояние, в каком должно находиться русское учебное заведение» [цит. по: 3, с. 7]. Некоторое время управлял Одесским учебным округом. В 1857 г., после 27 лет безупречной службы, он уходит на пенсию и уже целиком посвящает себя делу всей своей жизни – научному поиску, организации науки, охране и сохранению реликтов.

Трудовая деятельность в лицее изначально совмещалась с занятиями наукой, за эти годы Николай Никифорович опубликовал несколько десятков работ (преимущественно в одесских изданиях). Его интересы разнообразны: древняя и средневековая история и археология Причерноморья, в особенности Крыма, история России XV-XVIII вв., история Новороссийского края и Бессарабии, история Одессы, а также эпиграфика, нумизматика, документоведение, историческая география, этнография, статистика, история науки. После ухода в отставку продолжил интенсивную научную работу, свидетельством тому являются его многочисленные труды [см.: 8, с. 83-84]. Особенно ценно введение им в научный оборот новых и разнообразных источников – археологических (монеты, надписи и прочие раритеты) и документов позднего средневековья и нового времени. Он отыскивал их повсюду – в ходе археологических изысканий, в музеях, казенных и частных архивах и коллекциях.

Большую роль в научной судьбе Н.Н. Мурзакевича сыграли путешествия по всему югу России, включая Крымский полуостров. Здесь все дышало далеким прошлым, которое так манило и будоражило мысль. Давнишнюю страсть к истории и археологии молодого человека, теперь уже специалиста с университетским образованием, возродила северопричерноморская античность. Все началось с найденных на месте древнегреческой Ольвии нескольких монет, публикация которых в 1835 г. стала заявкой на научное творчество и принесла первую известность. «Запасшись Дионом Хрисостомом в переводах греческом, латинском... и русском (Муравьева-Апостола), с неизъяснимым наслаждением я проследил классическую местность; сидя на прежней торговой площади у берега Буга, мысленно представлял ее усеянной эллинами, скифами... В недавно вскрытой гробнице я провел полдня, мечтая о древнем быте. Собрав хорошую жатву, состоявшую из древних амфор,

времени и были отброшены наукой. Наивными выглядят, например, его рассуждения о необычайной честности генуэзцев, фантастическими – представления о численности населения Крымского полуострова во времена их владычества. Между тем канва политической истории намечена верно, таким образом создавался фон, на котором можно было более углубленно изучать отдельные вопросы темы.

лампадок, монет и разной мелочи, с торжеством вернулся я в Ковалевку. Тут, разбирая монеты, я разбудил в себе заглохшую было страсть к нумизматике. С этой поездки вся моя денежная экономия поглощалась монетами и археологическими книгами, за которые я платил, не жалея» [1, с. 85], – вспоминает Николай Никифорович. В эти годы и позже Мурзакевич бывал за границей, посетил Константинополь, Александрию, Каир, Иерусалим, Вену, Рим, Неаполь. Свои впечатления записывал в дневнике.

Помимо служебных и научных занятий ему приходилось заниматься многими другими делами: в 1838 г. он становится секретарем Общества сельского хозяйства Южной России и редактором его «Листка», участвует в работе над выпуском «Новороссийского календаря» и «Одесского альманаха», публикуется в «Одесском вестнике» [3, с. 7].

Путешествия, опыт научной и издательской работы, раздумья над судьбой реликтов приводят ученого к убеждению, что для охраны и изучения древних памятников юга России необходимо объединить усилия ученых и создать общественную организацию. Он начинает работать в этом направлении, появляется круг единомышленников, идея создания общества находит сочувствие у генерал-губернатора М.С. Воронцова. Мурзакевич готовит проект устава будущего общества; проект утверждается министром народного просвещения [1, с. 140]. А 23 апреля (по ст. ст.) 1839 г. состоялось торжественное открытие Одесского Общества истории и древностей (ООИД), ставшего судьбоносным в деле охраны и изучения исторического и культурного прошлого юга России. Николай Никифорович избирается его секретарем, а в 1875 г. – вице-президентом (и остается им до самой смерти) [см.: 8; 12, с. 256-278]. По его настоянию уже с ноября 1839 г. Общество принимается под «высочайшее» покровительство, получает от государства ежегодно по 5 тыс. руб. ассигнациями и приобретает право производить археологические раскопки на территории всей Южной России [8, с. 81]. Это была настоящая победа, после которой таким подвижникам, как Н.Н. Мурзакевич, оставалось много и неустанно работать на историко-археологической ниве. Николай Никифорович ведет всю обширную текущую переписку Общества, привлекает к его работе ученых и любителей старины. Много времени и сил отдает редакционно-издательской работе в «Записках ООИД» (был редактором первых 12 томов, увидевших свет в 1844-1881 гг., и автором множества больших и малых статей, в них опубликованных). Подготовил четыре десятка брошюр с ежегодными отчетами Общества.

С этого времени он участвует в работе научных собраний, археологических съездов, проводившихся в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, избирается членом многих русских и иностранных обществ, включая Московское общество истории и древностей российских (уже с 1836 г.), Московское археологическое общество, Санкт-Петербургское археолого-нумизматическое

общество, Русское географическое общество [3, с. 9-10; 12, с. 258]. Хлопочет о создании музея при ООИД (что произошло уже в 1839 г.) и становится его заведующим [см. подробнее: 12, с. 281-287]. Берет на себя еще и обязанности главы существовавшего в Одессе с 1825 г. городского музея древностей (1843-1858 гг.) и городской публичной библиотеки (1843-1853 гг.)³.

Автобиографические записи Мурзакевича и воспоминания людей, хорошо его знавших, свидетельствуют о том, что этому человеку были присущи огромное трудолюбие, отсутствие тщеславия, скромность, бескорыстие, долготерпение, стремление прийти на помощь, в то же время твердость в отстаивании собственных убеждений и умение доводить начатое дело до конца, он также, по уверению его биографа, «не допускал никаких послаблений и сделок в нравственных вопросах, твердо веря, что за всякой неправдой с неумолимой строгостью должно следовать возмездие», «не останавливался ни перед какими личными соображениями, когда ему приходилось говорить правду, и говорил ее сильным людям – своему начальству, попечителям» [3, с. 12-13]. В Одессе его все знали и любили, а бывшие воспитанники лицея вспоминали «с благодарностью его отеческие советы, иногда очень резкие, но всегда полные самого теплого участия» [3, с. 14]. В «Автобиографии» проходит череда людей, с которыми Николаю Никифоровичу приходилось в жизни встречаться, беседовать, заниматься делами; это настоящие психологические портреты, автор дает друзьям и знакомым характеристики четкие, называя вещи своими именами, не скрывая своей бескомпромиссности, некоторые кажутся слишком резкими, иные – чересчур хвалебными. Так, нелестную и, как кажется, слишком прямолинейную характеристику получили такие известные в крымоведении люди, как А.Б. Ашик, Д.В. Карейша, А.Я. Фабр, А.С. Фиркович [1, с. 104, 106, 108, 140, 141, 146, 180-181, 186, 222, 226-227, 229]⁴. Между тем в характере М.С. Воронцова Мурзакевич

³ См. подробнее [12, с. 215-220, 257, 288-290]. В 1858 г. Одесский городской музей древностей перешел в ведение ООИД.

⁴ Справедливости ради нужно отметить, что Ашик и Карейша не были столь корыстны в своих целях, занимаясь археологией, и не заслуживают столь уничижительной характеристики, какой удостоились от Мурзакевича, напротив, у них было немало заслуг. По мнению И.В. Тункиной, Николай Никифорович отличался «суровым нравом, безапелляционностью взглядов и научной ревностью», пристрастием в оценке коллег, человеком конфликтным, с открытой неприязнью относившимся к некоторым керченским археологам, настраивавшим против них руководство ООИД и местное начальство [12, с. 389]. Однако эта характеристика кажется чересчур суровой. Нам сейчас трудно выступать в роли арбитра в спорах между учеными прошлого. К сожалению, конфликты всегда были и остаются в научной среде. К Мурзакевичу современники относились по-разному: люди, близко знавшие его, давали ему отличную характеристику, недоброжелатели – резкую и даже обидную (см., например, наполненную сарказмом «Археологическую оду» Е.Е. Люценко [14, с. 71-72]).

увидел «душевную простоту, соединенную с теплотой сердца», «врожденную доброту» (которой «пользовались наглецы и нахалы»), «сколько-нибудь полезным людям не надлежало искать покровителей для представления ему; он сам их отыскивал, сближался с ними и затем неизменно оставался одинаково расположенным к ним» [1, с. 107-108].

По поводу его политических воззрений позволим себе привести вполне обоснованные замечания А.С. Коциевского: «У Мурзакевича, сложившегося как личность в годы глухой реакции и притом работавшего в провинции, не было возможностей высказывать печатно свои политические убеждения. Однако на страницах не предназначавшейся к скорой публикации «Автобиографии» проскальзывает его интерес к европейским революциям 1830 и 1848 гг. [с. 68, 207-208], неодобрение политики Николая I по отношению к восставшей Венгрии [с. 223]. Мурзакевич видит произвол помещиков и тяжелое положение народа [с. 44, 63, 67, 191], свирепую муштру солдат [с. 44-45] и вымогательства «земского и уездного начальства» [с. 106], а встречающиеся едва ли не в каждой главе «Автобиографии» замечания о чиновничьей среде и светском обществе дают хоть и сдержанную по форме, но уничтожающую по сути характеристику николаевской России. Уход в науку и даже идеализация некоторых представителей правящего класса были данью эпохе, но не следует забывать, что профессор российской истории провинциального лица позволял себе весьма далекие от официальных оценок заключения о многих фактах отечественной истории» [8, с. 85].

Скончался Николай Никифорович 16 октября (по ст. ст.) 1883 г. в Одессе, где «долго еще будет заметна его утрата – в Обществе истории и древностей, где каждый предмет говорит о нем, и среди его друзей, любивших его веселую, беспритязательную беседу... одним честным и истинно добрым человеком стало меньше...» [3, с. 14]. В своем завещании он предусмотрел небольшие накопленные за жизнь денежные суммы и акции передать на учреждение стипендии студентам-христианам отделения русской истории и древностей Московского университета, на учреждение ремесленной школы в Одессе, в пользу ООИД и его музея, а книги, предметы древности, монеты – в ООИД и Феодосийский музей древностей (о котором он проявлял особую заботу) [15, с. 845-846].

Судьба Н.Н. Мурзакевича была неразрывно связана с Крымом. На протяжении фактически всей своей жизни Николай Никифорович вел большую и сложную работу по поиску, изучению и публикации источников по истории Крыма – памятников археологии, надписей, документов.

Первая поездка в Крым состоялась в 1836 г. Молодого начинающего ученого поразило «разнообразие великолепной крымской природы», путешествие он начал с Евпатории, побывал в Симферополе, Бахчисарае, Севастополе, Балаклаве, на Южном берегу, в Судаке, Феодосии, Керчи. Здесь он общается

с интересными и приятными для него людьми: ректором Киевской духовной академии архимандритом Иннокентием, профессором, ректором Киевского университета М.А. Максимовичем, Таврическим губернатором А.И. Казначеевым; был представлен М.С. Воронцову и обратил его внимание на необходимость перевести на русский язык и издать все имеющиеся в Бахчисарайском дворце ханские надгробные надписи («Граф с особым удовольствием принял как это предложение, так и другие, касавшиеся мер сохранения местных памятников», – вспоминает Николай Никифорович) [1, с. 106-107]. Полученные во время путешествия впечатления были сначала опубликованы в виде отрывков из путевых записок в «Одесском вестнике» (1836 г.), а после – в виде большой статьи в «Журнале Министерства народного просвещения» (1837 г.) [1, с. 106; 16; 17; 18, с. 625-691].

В следующем, 1837, году по предписанию министра народного просвещения С.С. Уварова состоялась деловая поездка Н.Н. Мурзакевича на полуостров с целью описания его древних памятников. Тогда ученого взволновала возможная потеря старых надписей, монет, рукописей, и он ратовал за их поиск, покупку у местных жителей и копирование [11, с. 78-79].

Памятным стало для Николая Никифоровича путешествие по югу России, включая Крым, летом 1845 г., когда ему довелось сопровождать 17-летнего великого князя Константина Николаевича [1, с. 171-177]. Мурзакевич перечисляет места, посещенные великим князем и его свитой в Крыму: «...Феодосия, Керчь, ...Перекопские соляные озера, Симферополь, Алушта, Чатыр-Даг, Никитский сад, Массандра, Ялта, Алупка, Мелас, Байдарская долина, Балаклава, Георгиевский монастырь, Севастополь, Чоргунский бассейн, Инкерман, Херсонес, Бахчисарай, Каралез, Вангун-Кале, Черкес-Кермен...» [1, с. 172-173]. В Керчи осматривали грязевые сопки, в Никите любовались розами и виноградом, в Алупке разместились во дворце, побывали в сталактитовых пещерах и на пещерных городах, в живописных долинах и на южном берегу, «ярким венком тропической зелени выделяющимся из морской синевы» («берег, не уступающий в изяществе сицилийской и итальянской природе»), поразили путешественников «изумрудные виноградники всех сортов лоз южной Европы», «масличные, кипарисовые деревья и горные сосны (piniae), окружающие древние храмы, остатки незапамятных времен», да и сами жители края: «монголы, татары горные и степные, караимы, греки, армяне, малороссияне, великороссияне, немцы, цыгане». В Севастополе оставались дольше всего, великий князь ежедневно осматривал собравшийся в полном составе Черноморский флот (ученики «свирепой лазаревской школы» – Путятин, Нахимов, Корнилов, братья Истомины – «не пощадили ни рук, ни ног, ни даже голов несчастных подчиненных» ради быстроты и точности выполняемых маневров).

Рождение ООИД (через три года после первого путешествия Мурзакевича по Крыму) стало важной вехой в крымоведении, и Николаю Никифоровичу

суждено было сыграть в нем видную роль. С этого времени поездки в Крым становятся в его жизни делом обычным и очень важным, теперь он посещает полуостров уже не как путешественник, а как ученый, организатор, как правило, по заданию Общества, уделявшего особое внимание охране и изучению крымских памятников и деятельности крымских музеев [см. специальную работу: 19, с. 4-21].

Хорошо запомнилась Николаю Никифоровичу поездка 1846 г., вызвавшая в его душе настоящую бурю. Его возмутило соперничество А.Б. Ашика и Д.В. Карейши, стремившихся раскопать как можно больше курганов в Керчи ради того, чтобы получить «подарок или крест за находку», их халатное отношение к делу: «лично они не присутствовали почти никогда, разве только в случае находки гробниц с вещами», фактически же руководили работами какой-то отставной матрос и несколько землекопов, описания и рисунки на месте не делались, если найденные вещи имели дубликаты, то они раздавались (таким образом, например, Ашик помог Фабру собрать большую коллекцию древностей, которую тот весьма дорого продал⁵), частично переплавлялись мастерами золотых дел или сбывались за границу (это были монеты и золотые вещи), а сами гробницы разбирались на городские постройки [1, с. 180-181]⁶. Посещение

⁵ Во время пребывания в Петербурге в 1851 г. Н.Н. Мурзакевич узнал, что некоторые частные коллекции (как-то: кн. А.С. Сибирского, гр. А.С. Уварова) включали многие керченские древности (особенно монеты): «Все это потихоньку шло к ним из Керчи. Своевольное преследование находок и даже насильственные отбирания их у керченских жителей наглым Ашиком породили монетную контрабанду. Находки не шли в Эрмитаж или музеи, но тайно распродавались или перетапливались; последнее Ашик делал чаще после замеченного министром Перовским вывоза за границу керченских древностей... я нашел господствующую в богатой петербургской молодежи страсть к археологии и нумизматике. Начиная от самого царя, деятельно занимавшегося устройством чудесного Эрмитажа, министра уделов графа Перовского, герцога Максимилиана Лейхтенбергского, все (кто только желал попасть во дворец председателя археологического общества, где проходили частые заседания членов) старались волею-неволею прикинуться археологами» [1, с. 222].

Заодно отметим, что, вспоминая поездку в Петербург, Николай Никифорович рассказывает о своих встречах с Н.В. Гоголем (от которого он привез письмо П.А. Плетневу): «Гоголь осень и зиму 1849 г. проводил в Одессе: обедали мы ежедневно вместе и большую часть проводили и вечера вместе», а после он проводил Николая Васильевича на его родину, где тот хотел провести пасхальные праздники в кругу семьи [1, с. 222, 224, 225].

⁶ Даже в некрологе А.Б. Ашика Мурзакевич счел нужным отметить: «Почетные и денежные награды правительства поощряли керченского археолога к многочисленным раскопкам... ревностные поиски древностей производились на удачу, без обстоятельного журнала вскрытию курганов, без подробной описи находкам, без планов местности и всегда без системы...» [20, с.915]. Обвинения в адрес Ашика и Карейши, безусловно, были справедливы, хотя и нельзя не признать заслуг керченских археологов, как и оправдывающих их обстоятельств [по этому поводу см., например, 21, с. 63-73; 22, с. 15-22; 23, с. 73-79; 24, с. 333-345; 12, с. 158-189, 223-226, 268-280, 293-303, 389-390].

Феодосии также не принесло удовлетворения: раскопки там не производились, так как не было ни людей, ни денег, генуэзские постройки разрушались, а камень шел на новые постройки, армянские и генуэзские церкви на карантине превращены в чумные помещения или склады, в музеи древностей надписи и монеты были свалены, как попало, на полу и в шкафах («Чудная судьба Феодосии! Ее всегда и все разрушали: боспорцы, татары, турки, русские войска, коменданты и градоначальники!» – с горечью восклицает Мурзакевич) [1, с. 181-182]. Не лучше обстояли дела и с развалинами Херсонеса: древние постройки превратились в груды камней, которые шли на строительство Севастополя и карантина, мраморные колонны, статуи и рельефы пережигались на известь [1, с. 182].

И в 1847 г. Николай Никифорович по дороге на Кавказ (где, кстати, также был занят делами научными и организаторскими) не преминул заехать в Феодосию и Керчь; в Керчи имел «неприятные объяснения с Ашиком и Карейшей на счет неизменяемой ими дурной методы раскрытия курганов» [1, с. 185-186]. Крымские памятники волновали его постоянно. С негодованием Мурзакевич вспоминает свою беседу с Л.А. Перовским, состоявшуюся в Одессе в 1852 г. Она касалась «разных проделок» Ашика и его зятя (лекаря А.М. Арпы), «решившихся отнять честь открытия в Керчи двух древних греческих мраморных статуй, случайно найденных одним мещанином...»: Ашик в двух брошюрах, изданных на русском и французском языках, оповестил Европу о том, что это его находки, а Арпа приписывал открытие статуй себе; Перовский «произвел расследование на месте и, обнаружив наглый обман и хищение, все это опубликовал в журнале своего министерства, а Ашика уволил от должности директора Керченского музея». К этому Николай Никифорович добавляет: «Множество различных поступков вандализма и высылки древностей за границу переказал мне граф Лев Алексеевич Перовский... дело раскрытия курганов для науки было потерянным. Надлежало подумать о спасении остального» [1, с. 226-227]. В том же 1852 г. Мурзакевич по приглашению Перовского едет в Крым, где присутствует при вскрытии керченских курганов градоначальником кн. Д.И. Гагариным, осматривает перекопский вал и турецкую крепостцу у Сиваша.

И в дальнейшем, регулярно посещая Крым, Николай Никифорович в своих отчетах ООИД подробно рассказывал обо всем, что видел, и о том, какие предпринял меры для охраны памятников его истории и культуры⁷. Через Общество и с помощью его членов и корреспондентов на местах он борется

⁷ В памятной записке гр. А.С. Уварову, путешествовавшему по Южной России в 1848 г., Мурзакевич отметил те места в Крыму, которые имеют памятники, заслуживающие внимания: Севастополь, Инкерман, Бахчисарай, Черкес-Кермен, Мангуп, Чуфут-Кале, Георгиевский монастырь, Балаклава, Алушка, Ялта, Алушта, Симферополь, Судак, Эски-Крым, Феодосия, Керчь, Еникале [12, с. 251].

против разрушения средневековых памятников Феодосии, Судака, Алушты (местные жители зачастую разбирали древние башни и стены и добытый таким образом камень пускали на свои постройки, пасли скот, например, на территории Судакской крепости), изыскивает средства на ремонтные и реставрационные работы, добывается разрешения и ассигнований на раскопки в Херсонесе, клеймит грабителей керченских курганов и способствует обеспечению их охраны уже после раскопок, делает все возможное для того, чтобы предотвратить раскопки дилетантами и превратить археологию в научное занятие. Беспокоило его и качество археологических изысканий на территории Херсонесского городища (со времени основания Одесское Общество следило за этими работами и направляло их)⁸; часто бывал по заданию ООИД в Севастополе и немало стараний приложил к сохранению древностей Херсонеса Таврического. Предметом особой заботы Мурзакевича были музеи. Ратовал он за организацию Херсонесского музея, делал все возможное для улучшения работы Феодосийского и Керченского музеев. Благодаря ему музеи пополняли свои собрания и библиотеки за счет вещей и книг, поступавших из ООИД, часто и сам он выступал в роли дарителя.

Особую роль сыграл Н.Н. Мурзакевич в судьбе старейшего на юге России первого археологического музея в Крыму, возникшего в Феодосии 13 (25) мая 1811 г. [см. подробнее: 27, с. 20-34; 28, с. 14-32]. Музей располагался в небольшом здании старой турецкой мечети; его коллекция составлялась из древностей, приобретаемых у местных жителей, а также благодаря дарениям и случайным поступлениям (во время своего путешествия в 1836 г. Мурзакевич насчитал в нем 64 предмета и около 350 античных монет [18, с. 672]. Музей был стеснен в финансах, его фонды не могли систематически пополняться из-за того, что в Феодосии и ее округе не производились археологические

⁸ Так, наблюдая за раскопками монахов на городище в 1878 г., Николай Никифорович счел излишним дать наставления управляющему Херсонесским монастырем: открывать фундаменты зданий так, чтобы не повредить мраморные плиты, колонны оставлять на своих местах; склепы осматривать, не ломая их стены и перекрытия; срисовывать архитектурные детали с указанием их размеров; найденные вещи не оставлять у себя и не передавать посторонним лицам. В 1879 г. в письме к иеромонаху монастыря обращает особое внимание на необходимость вести записи в ходе раскопок и всячески способствовать сохранению находок. И рабочие получили тогда же наставления: внимательно осматривать землю на предмет наличия в ней кусков мрамора, надписей, сосудов и прочих вещей; не разбивать ломом закрытые могилы, кувшины и мелкие вещи; открытые фундаменты зданий обкладывать «теми плитами и черепьями, какие были при начале и точно по-прежнему»; находки «относить осторожно в назначенное место», «у себя не удерживать или продавать на сторону». В 1882 г. в письме к иеромонаху подчеркивает, чтобы «сторонних лиц, ищущих монет на монастырской земле, отнюдь не допускать» [25, с. 387-392]. Десятилетия спустя К.Э. Гриневич отметит, что работы, проводившиеся в Херсонесе под руководством ООИД в 1876-1886 гг., были первыми систематическими раскопками на городище и оставили глубокий след в науке [26, с. 18, 23].

изыскания. В 1849-1850 гг. велась переписка по поводу передачи музея в заведование корреспонденту ООИД Е.Ф. де Вильневу [29, с. 14-24; 30, с. 37-47]. Через него Общество получало информацию о древностях Феодосии и Юго-Восточного Крыма. Оно в лице своего секретаря Н.Н. Мурзакевича проявляло живейший интерес к музею, принимало меры к сохранению местных памятников. Забота вылилась в желание взять музей под свою опеку; передача его в ведение ООИД засвидетельствована письмами и отношениями, датированными 1850-1851 гг. [31]. Общество намеревалось ежегодно выделять музею по 100 руб. для приращения коллекции, такую же сумму назначили местные власти. Уже за тринадцать лет со времени передачи музея в ведение ООИД его коллекция заметно возросла за счет вновь приобретенных надписей (32), монет (около 600) и мелких вещей [31, л. 72-72 об., 88-91 об.; 32, с. 481].

Мурзакевич следил за формированием фондов музея и их научной обработкой; из Одессы в Феодосию шли древности и книги. Особенно волновала судьба гетуэзских памятников Феодосии, и Общество просит М.С. Воронцова распорядиться, чтобы феодосийские власти следили за их сохранностью и устранили все то, что способствует их разрушению [33, л. 30-30 об., см. также: л. 31]. По ходатайству ООИД в 1853 г. начальник Таврической губернии дал предписание феодосийской полиции наблюдать за сохранностью древних предметов в курганах и не позволять частным лицам проводить их раскопки, а через пять лет губернские власти отдали распоряжение о передаче в музей всех памятников, находимых при строительных работах в городе и его округе [31, л. 58-58 об., 96-99, 103-105; 34, л. 23-24, 37-42 об.; 33, л. 32]. Общество обратилось с просьбой к Таврическому гражданскому губернатору предписать феодосийским жителям, строившим дома и проводившим земляные работы, не закладывать в новые постройки камни с надписями, обломки статуй, древние архитектурные украшения, но передавать их в местный музей [31, л. 58-58 об.]. В годы Крымской войны Одесское Общество заботилось о сохранности коллекции и здания музея [33, л. 33-35]. Не меньшее внимание оно уделяло археологическим раскопкам, проводившимся в Феодосии в 1852-1853 гг. А.А. Сибирским, И.К. Айвазовским и Е.Ф. де Вильневым (тогда был частично раскопан городской курганный некрополь V-III вв. до н. э. с высокохудожественными изделиями из золота, глины, с монетами); Вильнев работал под руководством Общества, с его помощью постигая методику раскопок, описания и хранения предметов старины [34, л. 15-35; См. подробнее: 35, с. 598-607].

В 1863 г. музей лишился части поступаемых на его содержание денег, встал вопрос о переводе его либо в Керченский музей, либо в Одесский; началась переписка ООИД с таврическими властями [31, л. 60-83]. В Феодосию был командирован Н.Н. Мурзакевич. Результатом поездки стало уверение Общества в необходимости оставить музей на месте, Николай

Никифорович убежден, что государству нужны местные музеи: «...тем скорее и легче разовьются в народе научные знания и изящный вкус» [31, л. 72 об.]. Он считал, что музей должен стать постоянно действующим для публики, а заведование им следует предоставлять лишь людям знающим. Уже в следующем году местные власти приняли решение о сохранении музея. Тогда же Общество в лице своего неутомимого секретаря обратилось к новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору с предложением открыть музей для посетителей и сделать в нем необходимые улучшения. В 1865 г. музей получил в дар от ООИД более двухсот монет и три десятка книг. Через три года после последней поездки Мурзакевич снова в Феодосии (а заодно в Судаке и Керчи), где отдает все силы ее музею: нумерует и размещает в определенном порядке экспонаты, составляет систематический указатель коллекции, классифицирует фонды по разделам: эллинский, византийский, генуэзский, армянский, восточный, еврейский [31, л. 120-120 об.] (эта система сохранилась на долгое время). При его непосредственном участии в 1869 г. вышел в свет первый печатный указатель музея, а уже в начале 70-х гг. было подготовлено его новое издание.

Вскоре, однако, таврические власти принимают решение перевести музей в иное здание – старую мечеть на Карантине. Мурзакевич уверяет Общество в том, что музей должен находиться в центре города, недалеко от пристани и быть доступным для посетителей. Мечеть на Карантинной горке, по его мнению, слишком мала для размещения коллекции, а подход к ней неудобен. «Разрушать и портить легко, но созидать и устраивать очень и очень трудно», – завершает он свое гневное послание [31, л. 128-128 об.; см. также: л. 130-138 об.]. Но на сей раз власти были непреклонны. Музей спас счастливый случай: И.А. Айвазовский решил построить памятник-часовню герою кавказских войн генералу П.С. Котляревскому и часть этого здания передать музею⁹. Здание выстроили на холме Митридат, в июле 1871 г. состоялось открытие музея в новом помещении (тогда Одесское Общество подарило ему 27 серебряных и 348 медных монет [31, л. 151-164]). И в дальнейшем ООИД в лице его председателя и секретаря проявляло постоянную заботу о музее и памятниках старины в Феодосии и ее округе. В адрес разнообразных обществ и учреждений рассылались многочисленные письменные просьбы помочь музею в том или ином деле. Начали регулярно выходить указатели Феодосийского музея древностей. Благодаря Обществу музей стал не только хранителем древностей, но и научно-просветительским учреждением, открытым для посетителей, а также исследовательским центром.

Имя Мурзакевича вписано в историю крымской археологии того периода, когда исследователи, среди которых в основном были просто любители

⁹ Подробности этого дела известны нам из переписки художника с ООИД и местными властями и из других документов 1870-1871 гг. [31, л. 139-155 об.; 36; 37; 38, с. 165, № 128].

древности, исходя из собственного опыта и опыта своих коллег, только-только начинали выработать методику археологических раскопок. Такие подвижники, как Николай Никифорович, немало делали для сохранения памятников, доступными им средствами вели борьбу не только с грабителями, но также с бестолковыми и зачастую вредными для науки работами, проводившимися любителями от археологии. Но если в первом случае приходилось обращаться за помощью к закону и полиции, то во втором – уповать на совесть и прилежание раскопщиков в деле постижения нелегкой науки – археологии и по возможности заниматься их обучением. Вот почему Мурзакевич и в беседах, и в письмах (от имени Общества и от себя лично) считал необходимым давать разъяснения по поводу того, как надо вести раскопки и при этом не повредить памятники, как сохранять найденные вещи и архитектурные остатки, вести записи, делать планы и зарисовки. Вместе с другими членами Общества в 1843 г. он составляет «Правила, которые надлежит соблюдать при разрытии курганов и вскрытии в них древностей» и самостоятельно в 1851 г. – «Наставление, как надлежит поступать при открытии древностей» – «одни из первых образцов инструкций по производству археологических раскопок с научными целями» (эти документы, хранящиеся в ГАОО, опубликованы И.В. Тункиной) [39, л. 45-47; 40, л. 175-176 об.; 12, с. 268, 332, 634-635, 637-638]¹⁰.

Ради сохранения памятников старины Общество делало все, от него зависящее, но из-за ограниченных материальных возможностей чаще приходилось ограничиваться письмами с просьбами в разнообразные инстанции; и

¹⁰ «Правила» обращают внимание раскопщиков на необходимость иметь при себе компас и соответствующие орудия труда, сделать топографическое описание местности, измерить высоту и окружность кургана, по ходу раскопок вести зарисовки, делать планы и записи: с какого места началось разрытие кургана, какова структура насыпи, где находится вход в склеп, каковы форма склепа и его кладка, есть ли на стенах изображения или надписи, описать положение скелетов и вещи, найденные в склепе, стараться защитить все это от разрушительного действия воздуха. В «Наставлении» даются советы по поводу того, как раскрывать курганы: железным щупом выявить наличие твердой породы; дойдя до гробницы, с помощью веревок и ломов снять с нее верхние плиты и дать ей проветриться; удостоверившись в прочности свода и стен, с зажженным светом спуститься в гробницу; землю брать руками и складывать в корзину, после выбрать из земли все предметы и просеять ее, «дабы ничто замечательное не утратилось»; сделать план гробницы с указанием ее высоты, длины и ширины, описать все в ней найденное; металлические предметы не чистить и не проверять на крепость, а только записать их количество, если вещи из золота или серебра – еще и их вес; если курган небольшой, то «срывать его весь»; при раскопках колодца сначала трижды опустить в него зажженную свечу, а затем с помощью веревок – рабочих. Все делать с величайшей осторожностью, дабы не принести вреда работающим людям и раскапываемым памятникам; найденные вещи доставлять, как сказано в «Правилах», в ООИД, а в «Наставлениях» – «кому следует». И.В. Тункина резонно замечает, что сами составители «Правил» не имели опыта полевой археологической работы, а Мурзакевич не написал отчетов о своих раскопках в 40-х гг. на о. Фидониси (Левке) и в Ольвии [см. об этих раскопках: 12, с. 409-415, 447-448].

эту требующую много времени и не всегда результативную работу безукоризненно выполнял Н.Н. Мурзакевич. В течение длительного времени велась, например, переписка по поводу сохранения вскрытых в 30-х гг. XIX в. и оставшихся без всякой охраны и реставрации монументальных погребальных склепов Куль-Обы и Царского кургана; обширную и многолетнюю переписку вызвало стремление ООИД спасти от уничтожения раскапывавшиеся на херсонесском городище памятники древности [12, с. 266-267, 517-529, 533].

Большая часть опубликованных Н.Н. Мурзакевичем сочинений посвящена историческим памятникам Крыма и его исследователям. Здесь монеты и надписи Херсонеса и Боспора¹¹, археологические исследования в Керчи, вопросы истории генуэзских колоний и Крымского ханства, херсонесская церковь св. Владимира и керченская церковь св. Иоанна Предтечи, события, относящиеся к деятельности Г.А. Потемкина на полуострове, и многое другое. Наиболее объемны его «Поездка в Крым в 1836 году» (1837 г.) и «Путеуказатель Южного берега Крыма» (1866 г.) [18, с. 625-691; 41]. Заслуживают внимания обширнейшая переписка Мурзакевича и его статьи (включая некрологи), посвященные жизни и деятельности ученых и краеведов, изучавших историческое прошлое Крыма и занимавшихся крымской археологией. Ко всем этим трудам до сих пор обращаются все те, кто связал свои научные занятия с историко-культурным прошлым полуострова, несмотря на то, что с их издания прошло немало времени и они, что неизбежно, в некотором отношении устарели, им на смену пришли сочинения, соответствующие современному уровню науки.

В особенно интересующей нас его «Поездке в Крым в 1836 году» история полуострова переплетается с личными впечатлениями автора об увиденном. Это была первая встреча молодого (тридцатилетнего) человека с далеким, еще недостаточно хорошо известным в России краем – его особенными природными условиями, многоликими народами и дремлющими памятниками старины. Впрочем, молодость не стала помехой для ознакомления и обдумывания всего того, что довелось увидеть и услышать, так как Николай Никифорович и по природе своей был человеком думающим, любознательным, склонным к занятиям гуманитарным, рано начавшим проявлять интерес к древностям, и к тому времени уже получил гуманитарное образование, был начитан, углубленно изучал историю генуэзской колонизации (уже в следующем году выйдет его книга на эту тему, которую он защитит в качестве магистерской диссертации), имел небольшой опыт педагогической деятельности. Уже с первых строк «Поездки...» обращает на себя внимание образованность

¹¹ Н.Н. Мурзакевич был в свое время известным нумизматом и стоял у истоков эпиграфики – копировал и издавал античные лапидарные надписи и керамические клейма, готовил к изданию свод эпиграфических памятников юга России, к сожалению, так и не увидевший свет [12, с. 265, 346-347, 349, 352, 370, 388].

автора, знакомство с древнегреческой мифологией, сочинениями античных поэтов и писателей – Гомера, Пиндара, Дионисия Периегета, Плиния, Помпония Мелы. Стиль повествования легкий, художественный. Все выдает в молодом путешественнике человека наблюдательного и увлеченного.

Путешествие было морским (из Одессы до Евпатории, из Феодосии до Керчи) и сухопутным (на повозках и верхом на лошадях). Описание начинается с Евпатории и заканчивается Керчью и ее округой. Между ними глазам Н.Н. Мурзакевича предстали: Саки, Симферополь, остатки древнего Неаполя Скифского, Бахчисарай, Успенский монастырь, караимский город Чуфут-Кале, руины средневековой крепости Мангуп-Кале, Севастополь, развалины древнегреческого Херсонеса (средневекового Херсона), Инкерман, Георгиевский монастырь, Балаклава, Байдарская долина, Южный берег Крыма (от Фороса до Алушты), Судак, Старый Крым, Феодосия.

Путешественник весьма чувствителен к природе: ландшафт, реки, растительность – все привлекает его интерес и удостаивается описания. В рассказах об увиденных городах и селениях настоящее всегда переплетается с прошлым. Историческое мышление автора требует конкретности, отсюда его пристальное внимание вызывают время возведения наиболее значительных построек, их архитектурные особенности, надписи, музейные коллекции. Стремление к хронологической определенности вызывает споры с предшественниками и попытки предложить собственные датировки. Ценность для нас представляют содержащиеся в сочинении статистические справки, этнографические и бытовые зарисовки. Примечательны рассуждения по поводу происхождения названий и переименований тех или иных населенных пунктов. Мурзакевич предельно точен, когда речь идет о количестве жителей того или иного населенного пункта, числе учебных заведений, религиозных построек. А для этого наблюдательности недостаточно, требуется обращение к источникам официальным, и Николай Никифорович в таких случаях делает оговорки, вроде: «по последним известиям». В целом его источники весьма разнообразны: здесь и личные впечатления об увиденном и услышанном, и произведения авторов эпохи античности, средневековья и нового времени, легенды, предания, священные книги, надписи, археологические материалы, официальные документы (например, статистические данные). Не без того, что в его текст порой закрадываются ошибки, но вряд ли будет корректно с нашей стороны осуждать автора, жившего во времена, когда научное изучение Крыма только начиналось, и полуостров хранил еще так много тайн.

Первый город, который Мурзакевич увидел с борта корабля, – Евпатория. Здесь его внимание привлекли христианская церковь, мечеть Джума-Джами (возведенная в 50-60-х гг. XVI в. по образцу константинопольской

Айя-Софии), караимская синагога. Из местных жителей наибольший интерес вызвали малоизвестные в России караимы [18, с. 626-628].

Симферополь произвел на него впечатление города и европейского, и азиатского. Как знаток истории и страстный любитель древностей, Николай Никифорович осматривает руины недалеко расположенного от него Неаполя – столицы позднескифского государства – и тут же отмечает, что здесь найдены камни с надписями, монеты и мраморные плиты с изображением скифов [18, с. 629-630].

Подробно, с акцентом на детали описываются Бахчисарай и его дворец – сплошная экзотика для европейца [18, с. 631-638]. Уступами расположенные дома, извилистые узкие улочки, восточный базар, множество фонтанов – все поражает взор. К тексту приложен план ханского дворца – так легче описать его многочисленные помещения и дворы, а читателю разобраться в их лабиринтах. Как человека просвещенного, Мурзакевича весьма интересуют учебные заведения и постановка учебного процесса в них, в связи с чем он довольно места отвел описанию «татарской академии (медресе) для приготовления мулл», впрочем, отметив низкое качество получаемого в ней образования [18, с. 637-638]. По дороге из Бахчисарая в Чуфут-Кале «невольное благоговение» вызывает у путешественника Успенский пещерный монастырь, основание которого он явно удревяняет, ошибочно связывая с гонимыми язычниками первыми христианами [18, с. 638-640].

Пещерные города Крыма вообще описываются Николаем Никифоровичем настолько подробно, насколько это позволяли сделать довольно скудные письменные данные и те остатки, которые можно было созерцать на месте. В городке-крепости Чуфут-Кале как «единственном обиталище караимов» времени татарского владычества над Крымом интерес вызывает буквально все: и история места, и «странной постройки» дома, особенно те, что, нависая над пропастью, держатся на тонких подпорках [18, с. 640-642]. Затем следует рассказ о Мангупе, знакомство с которым автор предварил изучением геологической литературы, письменных источников и сочинений авторов нового времени [18, с. 642-644].

Более всего путешественника привлекают те места, в которых сохранились памятники античного и средневекового времени. Отсюда и стремление как можно больше рассказать о Севастополе, Судаке, Феодосии, Керчи, сетования по поводу плохой сохранности в них остатков далекого прошлого, цитирование надписей, которых в то время еще было известно немного, но для знатоков и любителей истории они представляли первостепенную важность, описание монет, которые довелось увидеть в крымских музеях. Развалины Херсонеса близ Севастополя [описание Севастополя и его округа см.: 18, с. 644-656] он называет драгоценными для всякого русского, так как с ними связано величайшее в нашей истории событие – крещение Руси киевским князем Владимиром. Древние христианские святыни вообще описываются

с любовью и благоговением, например, соседствующие с Севастополем Инкерманский и Георгиевский монастыри.

Поражают путешественника великолепием виды Южнобережья [18, с. 656-662]. Кажется, здесь не пропущена ни одна деревушка. Приятно удивили его Ялта и окружающие ее горные склоны.

Судак он признает «любопытным предметом исторических и антикварных разысканий» [18, с. 663; описание Судака см.: с. 663-666]. И, конечно, здесь не обошлось без подробностей относительно хорошо сохранившихся реликтов генуэзской Солдайи – крепостных сооружений, гербов, надписей.

Кажется, уже во время этого первого путешествия по Крыму особые и противоречивые чувства вызвала у Николая Никифоровича Феодосия [18, с. 668-673]. С одной стороны, восхищали замечательное прошлое этого древнего города, предметы старины, хранившиеся в его музее (особенно надписи и монеты времен древних греков и генуэзцев), с другой стороны, вызывали досаду малолюдство и бедность современной Мурзакевичу Феодосии.

Но самого подробного описания удостоилась Керчь с ее Митридатовой горой, яркими памятниками античного времени и тогда еще совсем молодым музеем [описание Керчи и ее округа см.: 18, с. 674-690]. Город явно понравился нашему путешественнику, и он назвал его «одним из красивых городов в Новороссийском крае», отличающимся довольно интенсивной экономической жизнью. В Керчи и ее округе Николай Никифорович осмотрел курганы античного времени, в том числе знаменитый Золотой курган (и не преминул описать те вещи, которые были обнаружены в нем при раскопках). А ознакомление с местностью дало ему повод для рассуждений относительно местоположения некоторых городов, основанных древними греками на побережье Керченского пролива.

Путешествие в Крым в 1836 г. оставило глубокий след в душе Н.Н. Мурзакевича, свидетельством тому – не только все последующие многочисленные его поездки на полуостров, но также (и это главное) его выбор жизненного пути.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. *Мурзакевич Н.Н.* Автобиография. СПб., 1886.
2. Записки Н.Н. Мурзакевича // Русская старина. СПб., 1887. Т. 53. № 1. С. 16-46; № 2. С. 263-298; № 3. С. 651-666; Т. 54. № 4. С. 129-144; № 6. С. 643-662; Т. 55. № 9. С. 477-498; Т. 56. № 12. С. 649-675; 1888. Т. 59. № 9. С. 583-610; 1889. Т. 61. № 1. С. 231-260.
3. *Дабижа В.Д.* Николай Никифорович Мурзакевич: 1806-1883 гг. // Мурзакевич Н.Н. Автобиография. СПб., 1886.
4. *Дабижа В.Д.* Николай Никифорович Мурзакевич (1806-1883): Биографический очерк // Русская старина. СПб., 1887. Т. 53. № 1.
5. *Маркевич А.И.* TAURICA. Симферополь, 1894, 1898. Вып. 1-2.
6. *Юргевич В.Н.* Исторический очерк 50-летия Имп. ООИД: 1839-1889. Одесса, 1889.
7. Указатель статей, помещенных в 1-30 томах ЗООИД // ЗООИД. 1915. Т. 32. Прил.

8. Коциевский А.С. Из истории ОАМ: Н.Н. Мурзакевич // Северное Причерноморье. Материалы по археологии: сб. науч. тр. ОАМ АН УССР. Киев, 1984.
9. Непомнящий А.А. Музейное дело в Крыму и его старатели. Симферополь, 2000.
10. Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX в.). Симферополь, 2001.
11. Непомнящий А.А. Подвижники крымоведения. Симферополь, 2006.
12. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России: XVIII – середина XIX вв. СПб., 2002.
13. Мурзакевич Н.Н. История гетуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837.
14. Маркевич А.И. Стихотворения археологов Е.Е. Люценко и В.Г. Тизенгаузена // ИТУАК. 1910. № 44.
15. Юргевич В.Н. Черновой проект завещания, найденный в бумагах бывшего президента Общества Н.Н. Мурзакевича // ЗООИД. 1889. Т. 15.
16. Мурзакевич Н.Н. Отрывки из путевых записок о Крыме // Одесский вестник. 1836. 28 окт.
17. Мурзакевич Н.Н. Еще отрывки из путевых записок о Крыме // Одесский вестник. 1836. 19 дек.
18. Мурзакевич Н.Н. Поездка в Крым в 1836 году // ЖМНП. 1837. Ч. 13. № 3.
19. Андросов С.А. Деятельность ООИД в сфере сбережения культурных ценностей Крыма // Пилигримы Крыма: сб. науч. статей и материалов. Симферополь, 2003. Вып. 2(7).
20. Мурзакевич Н.Н. Антон Бальтазарович Ашик // ЗООИД. 1863. Т. 5. Отд. 3.
21. Люценко Е.Е. Ашик и Карейша // ИТУАК. 1907. № 40.
22. Боровкова В.Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь, 1999.
23. Лазенкова Л.М. Керченский музей древностей: основатели // Боспорский феномен: Мат. междунар. науч. конф. СПб., 1999.
24. Непомнящий А.А. Библиография А.Б. Ашика в контексте изучения Крыма в XIX в. // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2002. Вып. 2.
25. Шаманаев А.В. Документы ООИД об организации археологических раскопок в Херсонесе в 1870-1880-х гг. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2005. Вып. 5.
26. Гриневич К.Э. Сто лет херсонесских раскопок: 1827-1927. Севастополь, 1927.
27. Петрова Э.Б. Феодосийский музей древностей: античные памятники и их собиратели // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. М., 1994.
28. Петрова Э.Б. Античная Феодосия: история и культура. Симферополь, 2000.
29. Петрова Э.Б. Хранитель феодосийских древностей Е.Ф. де Вильнев // Ученые записки Таврического нац. университета им. В.И. Вернадского. Симферополь, 2003. Т. 16(55). № 1. История.
30. Петрова Э.Б., Карпенко А.В. Письма Е.Ф. де Вильнева в ООИД: 150 лет с начала археологических раскопок в Феодосии // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 3-4.
31. ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 40.
32. Мурзакевич Н.Н. Летопись Общества с 14 ноября 1862 г. по 14 ноября 1866 г. // ЗООИД. 1867. Т. 6.
33. ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 52.
34. ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 46.
35. Петрова Э.Б. О начальном периоде археологических исследований в Феодосии: Вильнев, Сибирский, Айвазовский // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. 12.
36. ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 94.
37. ГААРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 25331.
38. Айвазовский: Документы и материалы. Ереван, 1967.
39. ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 20.
40. ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 55.
41. Мурзакевич Н.Н. Путеводитель Южного берега Крыма. Одесса, 1866.

Petrova E. B.

Crimean Travels: N. N. Murzakevich

Summary

The article is dated for the 200th anniversary of a famous Odessa historian and archaeologist, one of the founders and outstanding figure of the Odessa Society of History and Antiquities – Nickolai Nikiforovich Murzakevich (1806-1883). His scientific activity was closely connected with Crimea; he played an important role in studying monuments of antiquity on the peninsula, in their search and rescuing, and organization of Crimean museums. The author focuses on the first trip of N. N. Murzakevich to the Crimea; it took place in 1836. This travel impressed him greatly; all his subsequent numerous trips to the peninsula and the choice of the course of his lie testify to it. The records with his impressions about his first trip to Crimea published by N. N. Murzakevich is a great source to learn about the peninsula and its population; they are filled with statistic data, ethnographic and everyday notes, notes on the condition of monuments of culture and history of Crimea.